Г. ЧЕЛПАНОВ

ПСИХОЛОГИЯ и МАРКСИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКИЙ КНИЖНИК“

МОСКВА—1924 г.

6-я типо-литография
„ТРАНСПЕЧАТИ“ НКПС.
Б. Переяславская, 46.

Главлит № 20795.
Тираж 2.000 экз.

„Для нас (социалистических материалистов) мозг не является главным, а его функция подчиненным ему рабом. Нет, мы, новейшие материалисты, утверждаем, что функция является настолько же самостоятельной и настолько же несамостоятельной вещью, как и осязаемая мозговая масса... Мысли, их возникновение и их свойства... такой же достойный изучения материал, как и всякий другой материал". (Дицген. Философия социал-демократии. Изд. Скирмунта. Стр. 205).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Научная психология в России в настоящее время находится в огромной опасности вследствие неправильного истолкования идеологии марксизма в ее отношении к психологии. Ошибочное истолкование получилось, очевидно, вследствие того, что не только в русской, но и в мировой литературе нет сочинения, посвященного этому вопросу.

Мы решили собрать весь материал, который имеется по вопросу о психологии в сочинениях Маркса, Энгельса, Фейербаха, Дицгена и выдающихся марксистов, чтобы дать определенный ответ на вопрос, каково отношение философии марксизма к современной научной психологии.

Необходимо прежде всего отметить, почему мы считаем Фейербаха и Дицгена „источником". Взгляды Фейербаха являются источником для понимания философии марксизма потому, что Маркс и Энгельс считали себя его последователями и остались ему верными до конца, отступив только в некоторых пунктах, не представляющих для нас значения. Дицген является источником потому, что, будучи современником Маркса и Энгельса, был высоко ценим ими, как философ. Так как, кроме того, Дицген является очень ревностным последователем Фейербаха, то в этом обстоятельстве мы находим дополнительное оправдание, чтобы считать сочинения их обоих источником для понимания философии марксизма.

Собранному нами материалу мы для большей объективности придали форму „хрестоматии". Что касается „тезисов" и „положений", в которых мы вкратце резюмировали содержание приводимых нами

цитат, то на них читатель предварительно должен смотреть только лишь как на *рубрики*, дающие возможность удобного расположения материала *).

Мы надеемся, что по тщательном ознакомлении с приводимым нами материалом, читатель убедится, что *материализм Маркса* не имеет ничего общего с *вульгарным материализмом*, с которым его обыкновенно смешивают.

Если эта мысль сделается для него ясной, то он убедится, что решительно нет никаких оснований сомневаться в праве на существование современной научной психологии, пользующейся методом *самонаблюдения*.

В нашем сборнике мы стремились к тому, чтобы установить смысл *подлинного* марксизма в его отношении к психологии. Но в настоящее время есть лица, которые думают, что нет никакой надобности стремиться к тому, чтобы установить смысл *подлинного* марксизма, потому что Маркс жил 60 лет тому назад и, пожалуй, марксистский материализм для нашего времени уже устарел. Исходя из этого, они предлагают пользоваться ходячим материализмом (*атомизмом, механическим материализмом*), не подозревая, что возраст этого материализма исчисляется уже не десятилетиями, а тысячелетиями, ибо восходит к Демокриту, жившему почти за 2500 лет до нашего времени. Кроме того, им не мешало бы знать, что атомистический материализм покончил свое существование еще при жизни последних его защитников — Молешотта и Бюхнера, ибо, как известно, и тот и другой в конце своей литературной деятельности, когда им нужно было излагать вкратце содержание своего материализма, пользовались формулой *спинозистического* материализма, а между атомизмом и спинозизмом есть непроходимое различие.

---

*) Курсив в цитатах везде наш.

Научная психология в России в 1922 году должна была подвергнуться реформе в согласии с идеологией марксизма. Некоторые лица (Блонский, Корнилов)*) предложили провести реформу таким образом, чтобы вместо психологии, будто бы содержащей какие-то идеалистические элементы, ввести рефлексологию. Другими словами, психологию, которая имеет исходным пунктом внутренний опыт, заменить исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений.

Этот взгляд в качестве подлинно марксистского пользуется широким распространением в научных кругах. Но он является ошибочным пониманием идеологии марксизма.

Такая ошибка имела место в истории марксизма в первые годы его существования, но еще при жизни Энгельса в 1887 году была блестяще опровергнута Дицгеном, другом Маркса, которого сам Маркс и позднейшие марксисты высоко ценили, как философа и истолкователя учения Маркса. В статье, посвященной именно вопросу об отношении психологии к физиологии под заглавием: „Материализм против материализма", он протестует против смешения механического материализма, т.-е. вульгарного, с материализмом марксистским, который он называет социалистическим. Эта грубая ошибка, на которую так энергично указывал Дицген (См. его „Философию социал-демократии", изд. Скирмунта 1907 г. стр. 196 и его же „Завоевание философии, 1906 г., стр. 39), в настоящее время, 36 лет спустя, повторяется в России в попытке заменить психологию рефлексологией.

Задача современной философии выяснить, какая именно психология находится в согласии с идеологией марксизма. Для решения этого вопроса необходимо разобрать правильность следующих тезисов.

---

*) Блонский. Психология, как наука о поведении.
Корнилов. Учение о реакциях.

Тезис 1-й.

„В современной мировой науке за рефлексологией признается научное значение постольку, поскольку она является определенным методом, дающим материал для физиологического об'яснения душевных явлений. Поэтому она имеет значение только при наличии психологии. Если же отрицается реальность сознания, то рефлексология превращается в философскую систему механического материализма, находящегося в противоречии с философией марксизма. Как раз именно это последнее и делают русские рефлексологи; вследствие этого между подлинными русскими марксистами и рефлексологами, именующими себя по недоразумению марксистами, получается вопиющее противоречие что легко видеть из следующего сопоставления взглядов тех и других".

Предпосылки марксистской психологии.	Предпосылки русской рефлексологии.
1) „Что мысль и материя „действительны", т.-е. существуют, это верно". (Ленин. Материализм и Эмпириокритицизм, стр. 246).	1) „Мы должны создать психологию без „явлений" или „способностей" души и без сознания". (Блонский „Психология, как наука о поведении", стр. 10). „Основанное на метафизике сознания учение о локализации умственных способностей и сознательных движений должно пасть". (Блонский, 83).
2) „Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве... (материальные явления). Другие не занимают места в пространстве.—(Такова наприм. человеческая мысль или воля или ощущение), (Бухарин. „Историч. материализм". 2-е изд., стр. 52).	2) „Психика и психические процессы суть несомненно явления пространственного порядка... Психические процессы есть особый вид физической энергии". (Корнилов „Учение о реакциях", 141. То же самое у Блонского, стр. 10) „На место понятия духа, так часто еще фигурирующего в суб'ективной

Предпосылки марксистской психологии.	Предпосылки русской рефлексологии.
	психологии, мы можем говорить об энергии, проявляющейся в виде нервного тока". (Бехтерев. Рефлексология. 1-е изд., стр. 158).
3) „Что они (мысль, воля, ощущение) существуют — всякий знает отлично по себе. Один философ, Декарт, считал, что именно это обстоятельство есть доказательство того, что человек существует. Он говорил: „Я думаю — значит я существую" („Cogito ergo sum")". (Бухарин, там же, стр. 52).	3) „По Декарту, психика есть „духовное", т.-е. нечто такое, что неуловимо для наблюдателя непосредственно" (Бехтерев, стр. 17). „Старые психологи считали основой психологии самонаблюдение... Для психологии было бы несчастьем, если бы самонаблюдение было основой ее". (Блонский, ук. соч. 21—22).

Тезис 2-й.

„Маркс в своих философских построениях стоял на точке зрения эмпирической. Он был эмпирический дуалист. Для него с эмпирической точки зрения, явления психические и явления материальные представляют два различных мира явлений".

„Разрыв с философией Гегеля произошел... путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились смотреть на действительный мир, на природу и историю, без идеалистических очков и видеть в нем только то, что он собой представляет. Они решились без всякого сожаления отказаться от всех идеалистических взглядов, не согласных с явлениями действительного мира, взятыми в их истинной не фантастической связи. А в этом и состоит, действительно, материализм". (Энгельс. Л. Фейербах. русск. пер. изд. 1922 года под ред. и предислов. Плеханова, стр. 48).

„Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей... Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по форме различны, так как человеческая голова может принимать их сознательно, между тем как в природе и большей частью пока еще в человеческой истории, они действуют бессознательно“ (там же, стр. 49).

Тезис 3-й.

„Маркс признавал реальность сознания и своеобразие душевных явлений. Маркс признавал действенный характер сознания — способность от себя привносить нечто нематериальное в мир материальных вещей. Маркс признавал изучение самосознания, суб‘ективной стороны жизни центральной проблемой истории“.

Положение 1-е. Маркс—сторонник гуманистического материализма, признающего одинаковую реальность, как материи, так и сознания.

„Материализм, пополненный теперь тем, что было добыто самой спекуляцией и совпадающий с гуманизмом, навсегда покончит с метафизикой. Подобно тому, как Фейербах в теории, французский и немецкий социализм и коммунизм являются на практике материализмом, совпадающим с гуманизмом“. (Маркс. „О материализме XVIII века“ в приложении к соч. Энгельса, Л. Фейербах, стр. 65).

„Не надо большого ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между учениями французского материализма о природной склонности к добру и о равенстве умственных способностей всех людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии на человека внешних обстоятельств... о нравственной правомерности наслаждения и т. д. с коммунизмом и социализмом... Если человеческий характер создается обстоятельствами, надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека. Если природа предназна-

чила человека к общественной жизни, то, стало быть, только в обществе обнаруживает он свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, а на целом обществе... Французские коммунисты... развивают материалистическое учение, как учение реального гуманизма и логическую основу коммунизма“ (тамже, стр. 71—2).

Положение 2-е. Маркс признавал реальность „идеологических форм“, которые суть не что иное, как явления сознания, резко отличающиеся от материальных явлений.

„В общественном производстве своей жизни люди входят в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения, отношения производства, которые соответствуют их материальным производственным силам. Совокупность этих отношений производства образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные общественные формы сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процесс жизни. Не сознание людей определяет их бытие, но, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изменением экономической основы видоизменяется более или менее медленно или быстро вся огромная надстройка.

При рассмотрении подобных преобразований нужно всегда проводить различие между материальным преобразованием в экономических условиях производства, могущим быть точно установленным естественно-научно, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, коротко сказать, идеологическими формами, в которых люди сознают этот конфликт и преодолевают его“. (Marx. „Zur Kritik der politischen Oekonomie“. 1897. Предисловие. XI).

Положение 3-е. Маркс признавал реальность психических явлений.

„Труд есть прежде всего процесс, происходящий между человеком и природой, процесс, в котором че-

ловек посредством своей деятельности содействует обмену веществ между собою и природой, регулирует и контролирует его... Мы предполагаем в нашем рассуждении такое состояние труда, в котором он характерен исключительно для человека. Паук проделывает операции, сходные с действиями ткача; а пчела может пристыдить постройкой своих восковых ячеек любого архитектора.

Но есть нечто такое, что с самого начала отличает самого плохого архитектора от самой лучшей пчелы: человек, прежде, чем слепить ячейку из воска, уже построил ее в голове. В конце процесса труда получается результат, который вначале этого процесса существовал уже в представлении рабочего, существовал, так сказать, идеально. Человек не только изменяет формы вещества, данного природой; он воплощает также в этом веществе свою сознательную цель, которая, как закон, определяет его способ действия и которой он должен подчинять свою волю. И подчинение это не является единичным актом. Помимо напряжения тех органов, которые исполняют физическую работу, во все продолжение труда, необходима целесообразная воля, проявляющаяся во внимании, и она необходима тем более, чем менее труд по своему содержанию и по способу исполнения увлекает рабочего, чем меньше рабочий наслаждается им, как свободной игрой своих физических и духовных сил". (Маркс. „Капитал". Т. 1-й, перевод Струве, стр. 126, гл. V. Процесс труда).

„Сущность человека есть совокупность всех общественных отношений". (Маркс. „Тезисы к Фейербаху", Тезис 6-й).

Положение 4-е. Маркс и Энгельс признавали своеобразие душевных явлений.

(См. выше приведенную цитату из Энгельс'а. „Л. Фейербах", стр. 49 а также 59—60, которая цитируется в положении 26-м и Маркс. „Капитал" т. 1, стр. 35, цитируется ниже в положении 5-м).

Положение 5-е. Маркс признавал действенный характер сознания.

„Товар с первого взгляда кажется совершенно понятной, тривиальной вещью. Анализ его однако

показывает, что эта вещь очень хитрая, полная метафизических тонкостей... Вполне понятно то, что человек своею деятельностью изменяет данные природой материалы таким образом, чтобы сделать их для себя полезными. Форма дерева, например, изменяется, когда из него делают стол, тем не менее стол остается деревом, обыкновенной чувственной вещью. Но как только он выступает в качестве товара, он тотчас превращается в чувственно-сверхчувственную вещь...

Загадочность товарной формы заключается просто в том, что она отражает людям общественный характер их собственного труда в виде вещественных свойств самих продуктов труда т. е. в виде якобы присущих от природы общественных свойств этих вещей, вследствие чего и общественное отношение производителей к общей массе труда представляется людям, как вне их существующее общественное отношение между самими предметами.

Вследствие этого quid pro quo продукты труда становятся товарами, т. е. чувственно-сверхчувственными или общественными вещами. Так световое впечатление от какого либо предмета на зрительный нерв представляется не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при этом процессе свет, действительно, отбрасывается от одной вещи, от внешнего предмета на другую вещь— глаз. Это есть физическое отношение между физическими же вещами. Между тем товарная форма и отношение ценности продуктов, в котором она проявляется, наоборот, не имеют абсолютно ничего общего с их физической природой и вытекающими из нее вещными отношениями. Это только определенное общественное отношение самих людей, которое принимает для них фантастическую форму какого то отношения между вещами“. (Маркс. „Капитал“ стр. 33—35).

Положение 6-е. Маркс признавал реальность идей, которые возникают, развиваются и гибнут в зависимости от тех или иных экономических условий.

„Определенные социальные отношения также суть продукты человека, как сукно, полотно и т. п... Те же самые люди, которые пре-

образовывают социальные отношения сообразно с их материальными способами производства, созидают и принципы, идеи, категории сообразно их общественным отношениям. Вместе с тем эти идеи, эти категории так мало вечны, как и те отношения, которые их отпечатывают. Они суть исторические, способные гибнуть, преходящие продукты. Мы живем среди постоянного движения наростания производственных сил, разрушения социальных отношений, образования идей". (Marx. „Das Elend d. Philosophie" 1895. стр. 91).

Положение 7-е. Маркс признавал изучение самосознания, субъективной стороны жизни центральной проблемой истории.

„Главный недостаток материализма—до Фейербаховского включительно—состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или форме созерцания, а не в форме чувственной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно. Поэтому деятельную сторону, в противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно"... (Маркс. „Тезисы о Фейербахе". Тез. 1-й).

„Гольбах, Гельвеций и их последователи направляли все свои усилия к тому, чтобы доказать возможность материалистического объяснения природы... Но человек становится субъектом только в истории, потому что только в ней развивается его самосознание.

Ограничиваться рассмотрением человека, как члена животного царства, значит ограничиться рассмотрением его, как объекта, упустить из виду его историческое развитие, его общественную практику, конкретную человеческую деятельность... Экономический материализм является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории". (Плеханов. „Монистическое понимание истории. Москва". 1920, стр. 190—191).

Тезис 4-й.

„Попытки сводить душевные явления к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс, Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно“.

Положение 8-е. К механическому материализму Маркс относился отрицательно.

Уже в юношеской диссертации, носившей заглавие: „Различие между натурфилософией Демокрита и Епикура“ он относился отрицательно к чистому атомизму. По Демокриту, атомы не имеют внутренних состояний, они действуют друг на друга лишь посредством давления и толчка. Демокрита, по мнению Маркса, интересовало только материальное существование атома. Епикур выдвигал также понятие атома, но рядом с его материей он признавал также его форму, рядом с его существованием и его сущность. В атоме он видел символ изолированного индивидуума, абстрактно индивидуального самосознания, отрицание всякого отношения к другому бытию.

(Приводимое изложение диссертации сделано Мерингом на стр. 50 сочинения: К. Маркс и Фр. Энгельс „Литературное наследство“. Т. I. Изд. Ф. Меринга).

Положение 9-е. Маркс был гилозоист, т. е. признавал одушевленность материи. Это видно из того, что он отдавал преимущество Бэкону (гилозоисту) перед Гоббзом (механическим материалистом).

„Настоящим родоначальником английского материализма и всей опытной науки новейшего времени был Бэкон. Первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, является движение, не одно только механическое и математическое движение, но и движение, как стремление, как жизненный дух, как напряжение, как мучение материи, выражаясь языком Якова Бёма. Первичные формы материи суть неот‘емлемо ей присущие живые силы,

создающие специфические индивидуальные различия существ. У Бэкона своего первого творца материализм еще содержит в себе наивное соединение зародышей всестороннего развития. Материя же сохраняет поэтически чувственный блеск и ласково улыбается цельному человеку". (Маркс. Матер. XVIII в. Стр. 68).

Что же нравилось Марксу у Бэкона? Очевидно, его гилозоизм. См. его „Novum Organum" I. 50, II. 7. 40 и др. Самым типичным является след. место: „Omne enim tangibile apud nos continet spiritum invisibilem et intactilem". (Всякая осязаемая вещь содержит невидимый и неосязаемый дух). По теории Бэкона, в материальном веществе содержится тонкий невидимый и неосязаемый эфир, след. нематериальный, который во времена Бэкона называли spiritus (дух) и им об'ясняли одушевленность всякой материи.

Положение 10-е. Как чистый дух, так и чистая материя были чужды гуманистическому материализму Маркса.

„В дальнейшем своем развитии материализм становится односторонним. Гоббс был систематиком Бэконовского материализма. Явления внешнего мира теряют у него свои цвета и становятся отвлеченными явлениями геометра. Физические движения приносятся в жертву движениям механическому или математическому. Геометрия провозглашается важнейшей наукой. Материализм становится человеконенавистником. Чтобы справиться с безтелесным человеконенавистническим духом в его последней области, материализм сам должен предаться умерщвлению плоти, сделаться аскетом" (там же 68—9).

Положение 11-е. Маркс относился презрительно к Бюхнеру.

„Поверхностная болтовня по истории материализма списана им, очевидно, у Ланге. По истине удивительно, как подобный карапузик, третирует, наприм., Аристотеля, естествоиспытателя не такого ранга, как Бюхнер". (Маркс. „Письма к Кугельману", Лондон. 5-го декабря 1868. 1920, Ленинград. стр. 68).

Положение 12-е. Энгельс относился отрицательно к материализму Бюхнера-Молешотта.

„Фейербах приписывал материализму тот опошленный, вульгарный вид, который принял теперь материализм XVIII века в головах врачей и естествоиспытателей и в котором он проповедывался Бюхнером, Фохтом и Молешоттом в пятидесятых годах... Люди, взявшие на себя в пятидесятых годах в Германии роль разносчиков дешевого материализма, ни на шаг не пошли дальше своих учителей“.

„Фейербах был совершенно прав, отклоняя от себя всякую ответственность за этот материализм. Только ему не следовало смешивать учений тогдашних бродячих проповедников материализма с материализмом вообще“. (Энгельс. Л. Фейербах, стр. 36—8).

„Гегель был забыт, развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ни чем не отличается от материализма XVIII столетия, имея перед последним в большинстве случаев только преимущество использования более богатого естественно-научного, именно, химического и физиологического материала. Этот ограниченный филистерский способ мышления докантовского периода мы находим воспроизведенным вплоть до его самых уродливых форм у Бюхнера и Фохта и даже Молешотта. Неуклюжая кляча обыденного буржуазного разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия, но кто собирается охотиться на чрезвычайно изрезанной почве спекулятивного мышления, тот именно не должен выезжать на кляче“ (Энгельс. „О критике политической экономии К. Маркса“. „Под знаменем марксизма“ 1923. № 2—3).

Положение 13-е. Современный материализм отличается от материализма древних (атомизма, механического материализма). В него входят элементы идеализма.

„Сознание полной несостоятельности германского идеализма необходимо привело к возрождению материализма, но, разумеется, не чисто метафизического, исключительно механического материализма XVIII века“. (Энгельс „Анти-Дюринг“, стр. 5).

„В античной философии мы имеем дело с первобытным естественным материализмом. Как таковая, она не была способна выяснить отношения мысли к

материи. Но необходимость выяснения этого вопроса привела к учению об отделимой от тела душе, далее, к утверждению бессмертия души, наконец, к монотеизму. Старый материализм был таким образом отрицаем идеализмом. Но при дальнейшем развитии философии идеализм также оказался не состоятельным и отрицается современным материализмом. Последний—отрицание отрицания—не представляет собою простого воскрешения старого материализма, но к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, равно как и самой этой двухтысячелетней истори". (Энгельс. „Анти-Дюринг", стр. 73).

Положение 14-е. Марксисты высказываются против механического материализма.

„Так как старый материализм не знал, как ему быть с естественным разумом и благодаря этому никак не мог преодолеть метафизики, то Ф. Энгельс называет этот материализм, совершенно не сведущий в науке о понятиях, метафизическим материализмом, а материализм социал-демократии, прошедший благодаря предшествовавшему немецкому идеализму лучшую школу—диалектическим. Для этого материализма дух—собирательное слово для духовных явлений, как материя собирательное слово для материальных явлений, а то и другое вместе фигурируют под понятием и названием явлений природы". (Дицген. „Философия социал-демократии". 1907. Статья: „Материализм против материализма". Стр. 215).

„Натурфилософский материализм, поскольку он об'являет дух явлением второго порядка, продуктом материальных сил—короче говоря, Фохт-Бюхнеровский материализм—оказывается при более внимательном рассмотрении совершенно недостаточной и притом довольно поверхностной теорией." (Штерн. Экономический и натурфилософский материализм. См. Сборник „Исторический материализм". Ленинград. 1908. С. Бронштейна. Стр. 325 и 327).

Из современных русских марксистов отрицательно относятся к вульгарному материализму: Горев Б. И. Материализм—философия пролетариата, стр. 33—34. Бухарин Н. И. „Енчмениада", „Красная Новь". 1923. Книга 6.

Тезис 5-й.

„Маркс был материалист типа спинозист-гилозоист. Спинозизм есть материализм по терминологии, принятой в первой половине 19-го века и отчасти во 2-й. (В последнее время под „материализмом“ принято было понимать только „атомизм“, „механический материализм“, „естественно-научный“, „натурфилософский“, „философский“ материализм, обыкновенно называемый „вульгарным“).

Фейербах был спинозист. По его словам, „то, что для меня, или суб'ективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, или об'ективно, есть материальный или чувственный акт“ (Werke изд. 1846 г. т. II. стр. 350).

Фейербаха и Маркс и Энгельс называют материалистом.

Ф. А. Ланге автор „Истории Материализма“ (т. II. стр. 352. Ленинград 1883) называет английского психолога Бэна „материалистом“ в то время как этот свое учение формулирует в терминах спинозизма. „Бэн, говорит он, исповедует „осторожный и умеренный материализм“, сохраняющий контраст между духом и материей. По его мнению, тело—та самая вещь, рассматриваемая об'ективно, которая суб'ективно в непосредственном сознании индивидуума — есть душа“.

В таком же смысле термин „материализм“ употребляет и Плеханов. По его словам, учение Фореля, по которому, „психология и физиология мозга представляют собой лишь два различных способа рассматривания одной и той же вещи“ есть материалистическое. („Основные вопросы марксизма“ 1908 г. стр. 18).

„Материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма... Маркс и Энгельс прошли через философию Фейербаха, а Фейербах есть Спиноза, переставший величать природу богом“. (Плеханов. Предисловие к соч. Энгельса. Л. Фейербах. стр. 9). „Спиноза должен быть отнесен к материалистам. Это прекрасно понял еще Дидро, который, как это видно из его статьи в 15 томе Энциклопедии, считал себя и своих единомышленников новейшими спинозистами...

Если Пристлей учил, что материя имеет свойство ощущать и думать, то для материалиста ощущение и мысль есть внутреннее состояние движущейся материи. При этом различные материалисты различно смотрели на эту способность материи обладать сознанием. Одни, напр,. Пристлей и, повидимому, Гольбах полагали, что сознание возникает в движущейся материи лишь в тех случаях когда она организована известным образом. Другие, Спиноза, Ламеттри, Дидро думали, что материя всегда обладает сознанием, хотя только при известной ее организации сознание достигает сколько нибудь значительной степени интенсивности“ (Плеханов, там же, стр. 9).

Положение 15-е. Гилозоистический и спинозистический материализм находились в близком родстве друг с другом.

Материалисты Ламеттри и Дидро утверждали, что материя обладает способностью мышления и оба в тоже время считали свое учение тождественным с учением Спинозы. (См. Lamettrie. L' homme-plante и Diderot, L' entretiens entre Diderot et d' Alambert).

Положение 16-е. Марксистский материализм не сводит психических явлений к движению материи.

„Никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не „сводил“ „сознания к движению и не об'яснял одного другим. Если материалисты утверждали, что материя способна „ощущать и мыслить“, то эта способность материи им казалась таким же основным, а потому и необ'яснимым ее свойством, как и движение. Сознание, след., также изначально, как и движение материи; оно отличается от этого последнего и не может быть сводимо к нему“. (Плеханов, там же, стр. 9—10).

Тезис 6-й.

„Рефлексология, делающая попытку сводить психические явления к физиологическим, есть вид механического материализма и находится в решительном противоречии с марксистской филосо-

фией. Ко всякой попытке сводить психическое к физиологическому относились отрицательно Фейербах, сам Маркс, Энгельс и Дицген. Их гуманистический материализм требовал признания реальности сознания в такой же мере, как и реальности материи".

Положение 17-е. Фейербах находил, что психология пользуется субъективным методом.

„В психологии, очевидно, не имеется никаких нервов, никаких мозговых долей, никакого мозолистого тела. Коротко сказать, ничего такого, что наполняет пространство. Но этот недостаток ненаполнения чем либо пространственным, это отсутствие всякого физиологического материала имеет суб'ективное основание" (Цитата из статьи: Wider den Dualismus von Leib und Seele, Fleisch und Geist. Werke изд. 1846 г. т. II. стр. 348. Этот взгляд относится к его позивистическому периоду).

„В желании пищи и в наслаждении пищей я ничего не знаю о желудке. В ощущении, как таковом, поскольку оно является предметом психологии, я ничего не знаю о нервах, в мышлении, как таковом, я ничего не знаю о мозге". (там же, стр. 348).

Положение 18-е. Фейербах отвергает возможность физиологического познания душевной жизни, признает самостоятельность психологического, суб'ективного познания ее, утверждает непосредственнность этого вида познания.

„В психологии субъект и объект тождественны, в физиологии различны. Психологическим об'ектом я являюсь для самого себя, а физиологическим я являюсь для другого. Ощущение, которое причиняет мне желудок во время голода, мой мозг во время мышления для меня самого является объектом, но оно в тоже время есть объект физиологии и анатомии.

Во всяком случае источник познания в психологии является иным по сравнению с источником познания физиологии. Но различие касается не предмета, как таковового, но способа познания; там это есть непосредственный, тождественный с предметом, живой, здесь это есть посредственный, мертвый, исторический" (там же, стр. 348).

„Лягушка только для себя является живым, ощущающим, представляющим существом, субъектом, но для меня она даже, как предмет вивисекции, только материальное существо, только объект, ибо ее ощущение, как таковое, решительно не может быть предметом для меня. Жизнь, ощущение, представление, как таковые, только непосредственно, через самих себя могут быть воспринимаемы (там же, 349).

Психологически, т. е. для меня, как представляющего, мыслящего, представление и мышление совсем не есть мозговой акт; я могу мыслить, совсем не зная, что я имею мозг. В психологии в наше сознание входят только лишь результаты, а не процессы организма, поэтому вполне естественно, что я мышление отличаю от мозгового акта и мыслю его само по себе. Но из того, что мышление не есть для меня какой либо мозговой акт, но акт отличный от мозга и независимый, совсем, конечно, не следует, что оно само по себе также не есть мозговой акт. Наоборот, то, что для меня есть чисто духовный, не материальный, сверхчувственный акт, само по себе или об‘ективно есть акт материальный, чувственный (там же, 350).

„Несмотря на простоту и неделимость, некоторые психологи приписывали душе, по крайней мере, идеальную протяженность, определение, под под которым ничего нельзя мыслить“ (там же 350).

„Ощущение есть, следовательно, нечто отличное от его органических предположений, условий, опосредствований (там же, стр. 350).

Положение 19-е. Фейербах отрицает чисто об‘ективное познание душевных явлений.

„Принято говорить: „Физиология может познавать только явления, но ни в коем случае не может познать сущность жизни; и это совершенно верно, ибо жизнь по существу относится к самому себе только суб‘ективно, следовательно, было бы противоречием, чтобы оно было об‘ектом для другого. Физиолог, поэтому, должен применять насилие, чтобы жизнь подвергать своему исследованию и наблюдению в качестве об‘екта... Но какова извращенность, каково абсолютное противоречие сущности жизни, если мы попытаемся

разрешить загадку жизни при помощи ножа“ (там же, 361).

„Анатомия нам говорит о мертвой вещи и поэтому она не говорит обо всей истине. Наука никогда не может покидать точку зрения жизни или замещать ее чем либо другим. Жизнь, ощущение и мышление есть нечто абсолютно оригинальное и гениальное, неподражаемое, незаменимое, необнаруживающееся, они в действительности суть нечто, познаваемые сами по себе. Werke изд. 1911 г. Stuttgart т. X, стр. 166)“.

Положение 20-е. Энгельс относился отрицательно к рефлексологии XVIII века, именно, к утверждению, что „человек есть машина“.

„Материализм 18-го века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика твердых тел, земных и небесных, короче, механика тяжести. Химия была еще в детском состоянии. Биология была в пеленках. Растительный и животный организм был еще мало исследован. Его отправления об‘яснялись чисто механическими причинами. В глазах материалиста 18-го столетия человек был машиной, как животное в глазах Декарта. Исключительное приложение мерила, заимствованного у механики, к химическим и органическим явлениям, т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими высшими законами, составляют первую специфическую неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма“ Энгельс Л. Фейербах, стр. 36).

Положение 21-е. Энгельс доказывает наличность сознания не только у элементарных организмов, не снабженных нервной системой, но даже у растений.

„Разве чувствительные растения, свертывающие при самом слабом прикосновении к ним свои листья или свои цветки, разве растения, пожирающие насекомых, разве все они не проявляют хотя бы самого слабого подобия ощущений или хоть расположения к

нему. Этого не может отрицать даже Г. Дюринг, не прибегая к не научной полупоэзии". (Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 35—7).

Положение 22-е. Дицген высказывается за реальность духовного против механических материалистов.

„Метафизические материалисты прошлого столетия и их нынешние запоздалые последователи, которые еще не вымерли, оценивают человеческий разум, исследование его свойств и его верное применение черезчур низко. Материя или материальное, т.-е. весомое и осязаемое в их глазах—главное в мире, первоначальное или субстанция, а деятельность мысли—только второстепенные свойства. Другими словами, для прежних материалистов материя является важным подлежащим, а все остальное—подчиненные ему сказуемые". Этот способ мышления заключает в себе переоценку подлежащего и слишком низкую оценку сказуемого. (Статья: „Материализм против материализма" в книге „Философия социал-демократии". Изд. Скирмунта. Стр. 199).

Положение 23-е. Дицген высказывается в пользу психологического изучения и самостоятельности предмета психологии.

„Когда говорят, что сознание, способность мыслить, представляет собою свойство мозга, то осязаемый предмет—подлежащее почему то становится единственно достойным об'ектом исследования и таким образом его следствие—сказуемое теряет всякое значение",

Мы называем этот способ мышления механических материалистов ограниченным (там же).

„Эти философы еще до настоящего времени ограничивают свои исследование механическим т.-е. ощутимым, осязаемым и весомым. Исследование человеческого разума и всех тех отношений, которые благодаря ему создаются в жизни человека (т.-е. исследование политических, юридических, экономических и т. п. отношений), естествознание исключает из своего ведения, находясь во власти старого заблуждения, будто разум—есть нечто метафизическое, порождение иного мира.

Поскольку естествознание не признает, что политика, логика, история, правоведение—одним словом, все отвлеченные отношения являются естественными и естественно-научными отношениями, оно вместе с механическим материализмом применяет к жизни метафизический масштаб“ (там же, стр. 203).

Положение 24-е. Дицген высказывается против исключительно физиологического изучения душевной жизни.

„Для нас (социалистических материалистов) мозг не является главным, а его функция—подчиненным ему рабом. Нет, мы, новейшие материалисты утверждаем, что функция является настолько же самостоятельной и настолько же несамостоятельной вещью, как и осязаемая мозговая масса и как всякий другой материальный предмет. И мысли, их возникновение и их свойства такая же реальная материя*) и достойный изучения материал, как и всякий другой материал (там же стр. 205)“.

„Так как мы не согласны со старыми материалистами, вообразившими, что они в достаточной мере об'яснили интеллект, назвав его свойством мозга, то для исследования нашего об'екта, человеческого разума мы и не можем пользоваться скальпелем. (208)“.

„Ограниченный материализм не только превращает человеческий разум в свойство мозга—против этого никто не возражает—но из этого обстоятельства прямо или косвенно выводит, что относящееся к мозгу сказуемое, познавательная сила или сила разума, не представляет собою субстанциального об'екта исследования, но что, наоборот, исследование мозгового вещества в достаточной мере раз'ясняет его духовные свойства“ (там же стр. 211)“.

„Механический материализм совсем не понимает проблемы, о которой здесь идет речь. Он учит, что мыслительная работа есть свойство мозга и что со свойством, мыслительной работой, покончено, раз она познана как свойство. Материалист старой школы слишком грубо ощущает, чтобы считать свойство

*) Под „реальной материей“ Дицген понимает просто „реальное“.

познания за вещь, которая была бы достойна особой, ей посвященной научной дисциплины". (Завоевания философии, 1906. стр. 29).

Тезис 7-й.

„Маркс при трактовании психологических проблем стоит на почве строго эмпирической и позитивной. На такой же точке зрения стоит и современная эмпирическая психология.

Современная эмпирическая психология не идеалистична, а, в смысле Маркса и Энгельса, материалистична, ибо она избегает вносить в свои объяснения что бы то ни было трансцендентное и все душевные явления рассматривает в зависимости от материальных явлений. Поэтому она не несет никакой ответственности за идеализм идеалистической философии".

Один из самых выдающихся современных психологов, Джемс говорит: „Психология в настоящее время находится на материалистическом пути". „Все душевные процессы одинаково и безусловно должны быть функцией мозгового процесса, изменяясь соответственно изменениям этого последнего и относясь к последнему как следствие к причине". („Психология" пер. Оболенского, 1902, стр. 7 и 8).

Тезис 8-й.

„Специально марксистская психология есть психология социальная, изучающая генезис „идеологических форм" по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме (об этом см. Плеханов „Основные проблемы марксизма" гл. VIII). В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно та-

кие психологические исследования. Они будут представлять собою марксистскую психологию в собственном смысле слова. Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т. п.“.

Положение 25-е. По Марксу „Я“ есть социальное „Я“.

„Фейербах был совершенно прав, когда говорил что материализм, опирающийся исключительно на естествознание, составляет основу человеческого знания, но еще не самое знание. Нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку. Задача состояла в том, чтобы согласовать с материалистической основой, и заново построить на ней здание общественной науки, т.-е. всю совокупность так называемых исторических и философских знаний“. (Энгельс. „Л. Фейербах“, стр. 38, 39. См. выше №№ 1; 3, 5, 6 и 7).

Тезис 9-й.

„Современная эмпирическая психология, признающая внутренний опыт исходным пунктом своего изучения и в такой же мере применяющая и об'ективные методы изучения душевных явлений, находится в согласии с марксизмом; рефлексология же, отрицающая реальность сознания, находится с ним в решительном противоречии. Поэтому заменять психологию рефлексологией нет никаких оснований, а тем более совершенно ее устранять“.

Положение 26-е. Психология, поскольку она, по Марксу, отождествляется с идеологией, имеет совершенно самостоятельный предмет, именно, идеи, которые возникают друг из друга в силу собственной закономерности.

„Но, сделавшись силой независимой от общества, государство немедленно порождает новую идеологию... Идеологии еще более возвышенные, т. е. еще более

удаляющиеся от экономической основы, принимают форму философии и религии. Религия возникла в самые первые времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и о внешней природе. Но раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений и подвергает ее дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т. е. не имела бы дела с мыслями, как с независимыми сущностями, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам.

Средние века присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию.“ (Энгельс. „Л. Фейербах,“ стр. 59).

Идеология, по мысли французских философов-позитивистов эпохи революции, именно, Дестю-де-Траси и Кабаниса, должна была изучать идеи, т.-е. в широком смысле слова все душевные переживания. Оба эти философа, в качестве позитивистов, избегали термина психология, так как казалось, что эта наука изучает метафизические сущности и вместо нее они воспользовались термином идеология, который должен был заместить термин психология и метафизика. Таким образом, идеология должна была быть наукой о душевных переживаниях (сюда входит, между прочим логика играмматика). В этом смысле идеология по своему содержанию совпадала с понятием психологии в широком значении этого слова. „Il n'y a qu'un seule terme qui paraisse à Tracy propre à designer avec precision la science en question, c'est le mot *ideologie*, car il veut dire simplement science des *idées*, c'est à dire *des phenomènes de la pensée et de leurs lois*“ (См. *Ferraz*. L'histoire de la philosophie pendant la revolution. 1889. стр. 20; *Picavet*. Les ideologues. Стр. 313).

Термин этот продержался во французской науке до 60-х г. Из нее Маркс и позаимствовал этот термин и вложил в него то содержание, которое в него вкладывали и французские философы, т.-е. понимал под идеологией психологию. И эту последнюю Маркс ставил целью своего изучения. „Проблема истории в известном смысле есть психологическая проблема“ совершенно справедливо замечает Плеханов. (Beiträge zur Geschichte des Materialismus, стр. 225).

Тезис 10-й.

„Психология есть марксистская наука par excellence. Психология, по Марксу, ближе к общественным наукам, чем к биологии. Если же нужно говорить об отношении психологии к биологии, то под этой последней нужно понимать не биологию просто, а психобиологию. Марксистская психология не имеет никакого отношения к физиологии, а потому величайший абсурд—думать, что изучение условных рефлексов по методу Павлова—есть подлинная марксистская психология“.